

© 2012 г. Е.В. ПАДУЧЕВА

НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ И ЕГО ПОДРАЗУМЕВАЕМЫЙ СУБЪЕКТ

Исследование подразумеваемых субъектов неопределенно-личного и обобщенно-личного предложения показало, что русской грамматике не хватает такого важного понятия как «иллокутивное местоимение» – личное местоимение, обозначающее говорящего и адресата, но не третье лицо. Следующий шаг – иллокутивное местоимение в обобщающем употреблении (когда, например, *ты* фактически означает ‘я’: *Ну что ты будешь делать!*), и дальше – «иллокутивный нуль» как нулевой аналог иллокутивного местоимения в обобщающем употреблении (*Ничего не подделаешь!*). Именно иллокутивный нуль является субъектом односоставного обобщенно-личного предложения. «Третьеличный нуль», подразумеваемый субъект неопределенно-личного предложения, противопоставлен иллокутивному нулю, но отличается и от нулевого аналога местоимения 3 лица, поскольку не просто отсылает к участнику 3 лица, а выражает понижение в коммуникативном ранге.

Посвящается памяти Татьяны Вячеславовны Булыгиной

В русской грамматической традиции различается два типа односоставных личных предложений, т. е. предложений, которые, имея сказуемое, не имеют синтаксически выраженного подлежащего, но не являются при этом ни неполными, ни безличными. Это неопределенно-личные предложения (такие как *В большом доме напротив играли на рояле*) и обобщенно-личные (такие как *На всех не угодишь*), см. [Пешковский 1938/2000: 370–376; Грамматика 1954: 5–12].

В [Грамматика 1954] предложения типа *Цыпят по осени считают* отнесены к обобщенно-личным – предположительно, на базе семантического критерия, поскольку в них налицо обобщение. Это решение неудачное (хотя оно принято во многих вузовских и школьных учебниках русского языка). Более обоснованным является деление (см., например, в [Булыгина 1990; Шелякин 1991]), ориентированное на формальный признак, – который в конечном счете оказывается и семантически значимым. А именно, к неопределенно-личным естественно отнести все односоставные предложения, в которых сказуемое имеет форму 3 лица мн. числа, – в том числе, и такое, как *Цыпят по осени считают*, которое выражает общее суждение.

Что касается обобщенно-личных предложений, то они не образуют синтаксически единого класса: их основу составляют односоставные предложения со сказуемым во 2 лице (пример выше) или в 1 лице мн. числа (*Что имеем, не храним*). Но сюда же относят и предложения с подлежащими-местоимениями 2 и 1 лица в обобщенном значении, которые являются двусоставными (*Ну что ты подделаешь с бессовестными людьми!*). В [Грамматика 1980: § 2251], используется более корректный термин – «предложения с обобщенно-личным значением». Термин «неопределенно-личное предложение» понимается в [Грамматика 1980] в формальном и, тем самым, в широком смысле: в число неопределенно-личных включаются, в частности, предложения *С модой не спорят*; *Предателю руки не подают* (§ 2514); *Его уважают*; *Эти ягоды не едят*; *Поэтов у нас любят* (§ 2515); *В школе этому не учат* (§ 2516).

Как мы увидим, грамматическое лицо подразумеваемого субъекта играет важную роль в семантике неопределенно-личного предложения. И то, что одни неопределенно-личные предложения выражают частное суждение с неопределенным субъектом (*У меня украли паспорт*), а другие – общее (*Победителей не судят*), не препятствует их объединению в одном классе. В самом деле, странно было бы, как предлагается в [Гак 1991: 82], относить предложение *Это едят без хлеба* к обобщенно-личным, а *Это ели без хлеба* – к неопределенно-личным: оба предложения подразумевают субъект 3 лица, и на этом основании называются неопределенно-личными.

Итак, неопределенно-личное предложение (НЛП) – это односоставное предложение со сказуемым в 3 лице мн. числа наст., прош. или буд. времени, изъявительного (примеры выше) или сослагательного (*Сменили бы нам белье!*) наклонения. Сказуемое в НЛП обычно в действительном залоге (см. уточнение ниже); но оно может не иметь финитного глагола (*Есть дом, где вам всегда рады, Женщина всегда чувствует, когда в нее влюблены*, пример из [Булыгина, Шмелев 1997]), может включать показатели модальности (*Нас могут заметить*). НЛП легко становится частью сложного предложения, см. [Грамматика 1954: 5] (например: *Иван подозревает, что за ним следят*), что отличает НЛП от разного рода неполных предложений: неполнота относится к «явлениям главного предложения» (main clause phenomena, см. [Hooper, Thompson 1973; Падучева 1996: 297–299]), каковым неопределенно-личность не является.

Чтобы описать НЛП на современном уровне, необходимо обратиться к важнейшим понятиям грамматики, теории референции и коммуникативной структуры предложения – таким как референциальный статус (анафора и антецедента), конкретная и родовая референция, неопределенность, в том числе – неизвестность и слабая определенность; диатеза и актантная деривация, акциональный класс глагола; коммуникативный ранг именной группы и семантика фокуса внимания.

Будем считать, что в НЛП имеется подразумеваемое подлежащее (нулевой субъект) 3-го лица – третьеличный нуль¹. Ср. в этой связи анафорический нуль (нулевой анафорический знак), который был введен Р. Якобсоном для представления предложений с анафорическим эллипсисом [Jakobson 1938/1971]; и эгоцентрический нуль, который предложен в [Падучева 2011] для представления актантной структуры слов с подразумеваемым говорящим [Апресян 2001] или наблюдателем [Апресян 1986; Падучева 1996]. Третьеличный нуль, как и эгоцентрический, относится к разряду субстантивных нулевых знаков – в отличие от анафорического нуля, который имеет неопределенную синтаксическую природу.

Сложнее обстоит дело с термином для подразумеваемого подлежащего обобщенно-личного предложения. Начнем с того, что местоимения 1 и 2 лица назовем иллокутивными, поскольку они обозначают участников речевого акта. При этом местоимение 2 лица, равно как и местоимение 1 лица мн. числа (в отличие от местоимения 1 лица ед. числа), может употребляться в обобщающем значении, как в примерах *Лезет под колеса, а ты за него отвечай; Охотно мы дарим, что нам не надобно самим*, см. об обобщенных значениях иллокутивных местоимений в [Пешковский 1938/2000: 374]. Тогда подразумеваемое подлежащее обобщенно-личных предложений можно обозначить как иллокутивный нуль: он имеет то же значение, что иллокутивные местоимения в обобщающем значении². Термин «обобщенно-личное предложение» неудачный. При всей разнообразности этого класса, он все-таки един в том, что его подразумеваемый, а иногда и синтаксически выраженный, субъект не просто ‘все’, а ‘Я и такие, как Я’.

¹ В [Мельчук 1974] для этого нуля было введено обозначение Ø-люди, в [Булыгина 1990] – Ø-3 мн. Мы этими обозначениями не пользуемся. Нулевые субъекты безличного и неопределенно-личного предложения обосновываются в [Тестелец 2001: 310–313].

² Почему местоимение 1 лица ед. числа, я, не употребляется в обобщающем значении, выдвигая на эту роль местоимение 2-го лица, остается до некоторой степени загадкой. Г.А. Золотова [1982: 110] объясняет употребление *ты* (и глагольных форм 2 лица) в значении обобщающего ‘я’ через вовлечение «собеседника в сопереживание с рассказчиком: ты, так же как я и любой на моем месте». Похожее объяснение предлагается в [Падучева 1996: 213].

Смысл 'неопределенное лицо', который выражает русский третьеличный нуль, во многих языках передается местоимениями, такими как франц. *on*, нем. *man*, нидерландское *men*. Так, франц. *On a coupé la conversation* переводится на русский как *Разговор прервали*, пример из [Плунгян 2011: 264] (хотя *on* может иметь и другие значения). К этому ряду, казалось бы, естественно подключить английское *one*, см. [Moltmann 2006]. Однако *one* в большей степени соответствует русскому обобщающему *ты* и иллюкутивному нулю. У третьеличного нуля в русском языке соответствующее ему местоимение отсутствует – если не считать слова *они*, крайне ограниченного в употреблении, ср. диалог:

– Мне позвонили из Академии. – И что *они* сказали?

Теперь задача состоит в том, чтобы охарактеризовать третьеличный нуль с лексической, грамматической и референциальной точки зрения.

1. Лексика. Третьеличный нуль всегда обозначает лицо, причем не просто одушевленное существо, например, животное, а именно человека. Так, фраза *За окном мяукали* (пример из [Булыгина, Шмелев 1997: 346]) означает, вопреки ожиданиям, что звук, свойственный кошкам, издавали люди. В [Мельчук 1974] отмечается разница между НЛП *Его исцарапали* и пассивным *Он был исцарапан* – состоящая в том, что первая фраза, в отличие от второй, однозначно выражает присутствие в ситуации агенса-человека.

Косвенным – метонимическим – указанием на субъект может быть обстоятельство места³:

В Петербурге *поговаривали* о какой-то предстоящей катастрофе [В.Я. Шишков. Емельян Пугачев. (1934–1939)];

Им верят, как всегда в России *верили* полководцам [А. Михайлов. Капкан для одинокого волка (2001)].

В [Грамматике 1980: 356] говорится, что «[с]убъект действия или состояния, когда он известен, выражается субъектно-пространственным детерминантом». Что неточно: группы *в Петербурге* и *в России* нельзя считать средством выражения субъекта действия или состояния – субъект НЛП в любом случае остается третьеличным нулем, а обстоятельства задают, метонимически, антецедент этого нуля.

Традиционные грамматики исходят из того, что глагол-сказуемое в НЛП имеет действительный залог. В [Морфология 2009: 392] утверждается, что глагол в НЛП может иметь форму пассива, что подтверждают примеры типа (а), (б):

(а) в США *встревожены* историей с журналистом Гонгадзе (Известия, 14.02.2001);

(б) Агентство Синьхуа заявило, что в КНР «*шокированы*» решением нидерландского правительства (Соц. индустрия, 2.12.1980).

Существенно, что предложения (а) и (б) имеют детерминант, который нельзя убрать без нарушения грамматической правильности. То есть это не обычный детерминант, а особый, обязательный, компонент конструкции, в составе которой глагол неопределенно-личного предложения может быть пассивным. При этом далеко не всякий глагол с объектом-лицом может выступать в пассивной неопределенно-личной конструкции этого рода. Например, *В КНР осуждены Гаагским трибуналом* – невозможное предложение. (В [Булыгина, Шмелев 1990: 112] говорится, что пассивные формы в составе НЛП возможны только у глаголов психологического состояния, причем при наличии «локального определителя», например, *Дома были очарованы ею*; см. об этом также [Тестелец 2001: 312].)

³ Примеры с адресом в квадратных скобках – из Национального корпуса русского языка, www.ruscorpora.ru.

Что же касается предложения (в), пример из [Морфология 2009: 392], то оно неправильное – пропущено *люди*, и предлог *с* относится неизвестно к чему:

(в) На геологоразведочный факультет обычно *принимаются* с более высоким проходным баллом (А. Битов).

Так что пассивных форм на *-ся* в составе НЛП не зафиксировано. На этом фоне причастия *встревожены*, *шокированы*, *очарованы* можно было бы трактовать по аналогии с *влюблены* – как атрибутивы, лишённые собственно страдательного значения. Однако во фразе *В министерстве уже были предупреждены о нашем приезде*, пример из [Булыгина, Шмелев 1990], однозначный пассив.

Конструкция с третьеличным нулем принимается в [Плунгян 2011] в качестве основы для того, что называется БЕЗАГЕНСНЫМ ПАССИВОМ (или двучленной пассивной конструкцией), и иллюстрируется примером *Разговор был прерван*. Для предложений типа *Разговор был прерван* исходными признаются «структуры типа *Разговор прервали*, в которых на синтаксическом уровне материально выраженное подлежащее уже отсутствует (но, разумеется, семантически оно однозначно вычисляется – ‘прервали какие-то люди’))» [Там же: 263].

Однако называть пассив в примере *Разговор был прерван* безагенсным можно лишь условно. Пассивная конструкция в русском языке, действительно, чаще возникает на базе предложений с субъектом-лицом, но это все-таки не обязательно. Так, в (г), (д) подлежащим в исходной активной конструкции было не лицо, а именная группа с не-предметным значением:

(г) Черда не очень приятных мыслей Ваксона *была прервана* приближением легких шагов [В. Аксенов. Таинственная страсть (2009)];

(д) И этот страстный гимн жизни *был прерван* приходом каких-то двух дам [З. Масленикова. Разговоры с Пастернаком (2001)].

Пассивную конструкцию, не включающую каузатора, как в предложении *Разговор был прерван*, можно получить на базе предложений (г), (д), опустив периферийную именную группу в твор. падеже. Так что двучленную пассивную конструкцию нет оснований считать безагенсной. Во всяком случае, она не может быть производной от конструкции с третьеличным нулем, которая действительно однозначно подразумевает субъект-лицо: одно из различий, отмечаемых между НЛ-конструкцией и пассивом, состоит ровно в том, что в пассиве каузатор, будь он выраженным или опущенным, не обязательно лицо, см. ниже раздел 5.

2. Грамматика. Хотя третьеличный нуль является подлежащим при глаголе 3 лица множественного числа, он может относиться в дискурсе не только к множеству лиц, что допускает контекст примера (1а), но и к заведомо единичному лицу, как в (1б):

(1) а. Его *избили*;

б. – Вадим, а Максим Чертанов – это баба? – Женщина, *ответили* мне (Захар Прилепин. Новый мир. 2011. № 6).

Число субъектов может оставаться неопределенным; в примере ниже только из последней фразы мы узнаем, что имеется в виду, скорее всего, один человек; но на основаниях чисто прагматических – трудно себе представить, чтобы спросили сразу несколько человек, и все прищуриваясь:

Там с Никанором Ивановичем <...> *вступили* в разговор, но разговор вышел какой-то странный, путанный, а вернее сказать, совсем не вышел. Первый же вопрос, который *был задан* Никанору Ивановичу, был таков: – Вы Никанор Иванович Босой, председатель домкома номер триста двабис по Садовой? На это Никанор Иванович, рассмеявшись страшным смехом, ответил буквально так: – Я Никанор, конечно, Никанор! Но какой же я к шуту председатель! – То есть как? – *спросили* у Никанора Ивановича, *прищуриваясь* [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита. Часть 1 (1929–1940)].

Уточним, что речь идет не о грамматическом числе третьеличного нуля, а лишь о количественной характеристике его правдоподобного референта.

Падеж у третьеличного нуля всегда именительный: валентность на этот нуль глагол приобретает только благодаря своей финитной форме (в отличие от эгоцентрического нуля, который входит в модель управления, скажем, глагола *показаться* в любой его форме, в том числе и в причастной). У иллокутивного нуля падеж тоже именительный, но иллокутивное местоимение в обобщающем значении обладает полной свободой в этом отношении: *Хорошо, когда тебя уважают*.

3. Референция; неопределенность. Исходная гипотеза состоит в том, что подразумеваемый субъект НЛП выражает неопределенность, а именно, неизвестность говорящему. В самом деле:

(2) К тебе *пришли* = 'а) пришел человек; б) один или несколько; в) мне неизвестно, кто это'.

Однако в [Шелякин 1991] справедливо говорится: «Семантика неопределенно-личности не раскрывается через понятие неизвестности».

4. Коммуникативный статус. В большей части контекстов третьеличный нуль выражает не неизвестность, а несущественность референта субъекта для говорящего:

(3) У него мобильник *украли*;

(4) Тебя сегодня *спрашивали*?

(5) В магазин *привезли* новые товары.

То, что третьеличный нуль выражает именно несущественность, а не неопределенность, доказывается его принципиальной несинонимичностью с неопределенным местоимением. В предложении (3) *украли* не синонимично *кто-то украл* в такой же мере, в какой *он женат* не синонимично *он на ком-то женат*: неопределенное местоимение предполагает желание знать (см. [Падучева 1997]), а в семантике третьеличного нуля этот компонент начисто отсутствует.

В этом отношении неопределенно-личная конструкция сходна с декаузативной, как она описана в [Падучева 2001]. В [Плунгян 2011] декаузативация представлена как понижающая актантная деривация, т. е. изменение актантной структуры глагола, в результате которого у него пропадает одна из валентностей. Между тем декаузативацию, в главном ее варианте, т. е. при неагентивном каузаторе, можно трактовать аналогично пассиву – как выраженную в глагольной форме мену диатезы: набор семантических валентностей у декаузатива тот же, что в каузативной конструкции, а форма на *-ся* маркирует изменение синтаксической роли и, соответственно, коммуникативного ранга каузатора. Отличие декаузатива от пассива состоит в том, что у пассива в исходной активной конструкции каузатор – это, обычно, агенс, а в исходной для декаузатива каузативной конструкции каузатор отчетливо неагентивный. Так что при декаузативации неагентивной каузативной конструкции каузатор уходит из центральной, субъектной позиции на периферию, с возможностью последующего выхода за пределы зоны внимания – **за кадр**. Так, в (6а) каузатор занимает позицию подлежащего; в (6б) он в периферийной синтаксической позиции, что означает понижение коммуникативного ранга; в (6в) он за кадром:

(6) а. Непрерывные войны истощили казну;

б. Казна истощилась от непрерывных войн;

в. Казна истощилась.

Представление структуры предложения (6в) не требует нуля – как не требует нуля структура с невыраженным синтаксически периферийным участником.

Аналогия НЛ-конструкции с декаузативной нужна для того, чтобы подчеркнуть различие между семантикой неизвестности, референциальной, и семантикой несущест-

венности, коммуникативной: НЛ-конструкция, как и декаузативная, выражает, прежде всего, понижение коммуникативного ранга участника.

Итак, НЛП сопоставляет ситуации концепт, который меняет коммуникативный ранг субъекта, подразумеваемого глаголом в личной форме действительного залога – исключает субъекта из поля зрения говорящего. В одних случаях такая концептуализация естественна, см. (7), но в других она парадоксальна, см. (8):

(7) Когда *унесли* свечу, Сережа слышал и чувствовал свою мать (Толстой. Анна Каренина);

(8) В одно собрание Он едет; лишь вошел... ему Она навстречу. Как сурова! Его *не видят*, с ним ни слова (Пушкин. Евгений Онегин).

В самом деле, ситуацию «видеть», из которой исключен видящий субъект, можно, как выясняется, описать с помощью языка, но совершенно невозможно, например, представить себе зрительно! (Разве что *не видят* значит ‘не замечают, намеренно’.)

Вернемся теперь к проблемам референции и рассмотрим референциальный потенциал третьеличного нуля более подробно. Следует различить две позиции третьеличного нуля – а) позиция первого упоминания и б) позиция с возможным антецедентом.

а) Позиция первого упоминания.

• Третьеличный нуль имеет КОНКРЕТНО-РЕФЕРЕНТНЫЙ СТАТУС, если предложение соотносится с конкретной единичной ситуацией. Глагол может быть в совершенном виде, как в (9а), или в несовершенном, как в (9б):

(9) а. – Ваш роман *прочитали*, – заговорил Воланд, поворачиваясь к мастеру, – и *сказали* только одно, что он, к сожалению, не окончен (М. Булгаков);

б. Молчали желтые и синие. В зеленых <вагонах> *плакали* и *пели* (А. Блок).

В (9а) подразумевается один субъект (Бог), а в (9б) субъект множественный, и референциальный статус третьеличного нуля в обоих случаях неопределенный. Но есть разница.

Третьеличный нуль часто выражает то значение, которое свойственно местоимениям слабой определенности [Падучева 1985/2009: 212–215]. Одно из назначений местоимения слабой определенности (а оно относится в традиционной классификации к неопределенным) – выражать отказ говорящего указать участника события слушающему, см. (10). Именно эту функцию выполняет третьеличный нуль в (11) (и, конечно, в (9а)):

(10) – Кто тебе звонил? – Человечек *один*.

(11) Не беспокойтесь, меня *проводят*.

В этом смысле толкование, предложенное выше примеру (2), было неточным – говорящему личность пришедшего вполне могла быть известна.

• Третьеличный нуль может иметь РОДОВОЙ СТАТУС, как в предложениях *Цыплят по осени считают*, *Лежачего не бьют*, которые выражают общее суждение.

• Третьеличный нуль может иметь ДИСТРИБУТИВНУЮ РЕФЕРЕНЦИЮ:

(12) Бывало, он еще в постеле, ему записочки *несут*.

Глагол *несут* обозначает повторяющееся действие, и у этого действия может быть каждый раз свой субъект.

б) Позиция непервого упоминания участника.

Третьеличный нуль, в отличие от местоимения 3 лица, не предназначен для анафорической отсылки: его функция состоит в том, что он устраняет участника из поля зрения (точнее, из концепта ситуации), а не отсылает к нему, как это делает, например, анафорический нуль. Так что понятие антецедента применимо по отношению к третьеличному нулю лишь с большой долей условности. Однако референциальные связи меж-

ду подразумеваемым субъектом НЛП и лицами, ранее упомянутыми в дискурсе, так или иначе возникают. Так, в (13а) третьеличный нуль по смыслу кореферентен неопределенному субъекту первого предложения; (13б) третьеличному нулю кореферентен подразумеваемый субъект деепричастия:

- (13) а. Кто-то позвонил ей. *Сказали*, что она должна прийти на собрание.
б. Снявши голову, по волосам *не плачут*.

Неопределенные местоимения «характеризуются пониженными возможностями выступать в качестве антецедента местоимения» [Падучева 1985/2009: 212]. Если же антецедент третьеличного нуля – конкретно-референтный терм, может возникать кореферентность, но третьеличный нуль понижает коммуникативный ранг участвующего лица, как в примере (16):

– Вадим, а Максим Чертанов – это баба? – Женщина, *ответили* мне [ср. *ответил он мне*].

Кореферентность третьеличных нулей между собой возможна, хотя не без ограничений, см. (9а), а также пример из [Булыгина, Шмелев 1997: 342]:

Варя задумалась. Я торжествовал. Меня, значит, *уважали*, коли *задумались* (Чехов).

Сложное референциальное соотношение третьеличного нуля с антецедентом возникает в примере (из Д. Гранина), который приводится в [Булыгина, Шмелев 1997: 342]:

- (14) Прощаясь, *Ипполитов* поцеловал ей руку. Впервые в жизни ей *целовали* руку.

Статус у третьеличного нуля при сказуемом *целовали* общеэкзистенциальный: имеется в виду ‘какое бы то ни было лицо’ [Падучева 1985/2009: 94]. Соотношение между термом *Ипполитов* и третьеличным нулем может быть охарактеризовано как частичная равносильность [Падучева 1974/2007: 131]: это отношение между множеством (в данном случае – множеством лиц) и конкретным элементом из этого множества. Такое соотношение часто возникает в предложениях с придаточным определительным, ср.: *день* и *<дни>*, *какие бывают*:

На следующее утро был чудесный, мягкий *день*, *какие* бывают у нас в Абхазии в дни сбора винограда [Ф. Искандер. Слово (1980–1990)].

5. Отчуждение от 1 лица (см. [Булыгина, Шмелев 1997]). Специфическое референциальное свойство третьеличного субъекта – его отчужденность (дистанцированность) от 1 лица. Здесь следует рассмотреть несколько разных контекстов.

• Если третьеличный нуль имеет родовую референцию, то говорящий исключается из потенциального множества лиц, которые имеются в виду в качестве субъекта:

- (15) Дни поздней осени *бранят* обыкновенно,
Но *мне* она мила, читатель дорогой,
Красою тихою, блистающей смиренно (Пушкин).

В (15) мнение «других людей» противопоставлено мнению говорящего, так что множество людей, которое подразумевается в качестве денотата третьеличного нуля, исключает говорящего. В (16) мнение говорящего не обязательно иное, чем у «других людей», но оно из этой фразы неизвестно, поскольку третьеличный нуль как бы не имеет в виду говорящего:

- (16) Обычно *считают*, что мужчин вдохновляют на красноречие благодарные слушательницы [Труд-7, 2002.01.28].

Ясно, что третьеличный нуль в этом отношении противопоставлен иллокутивному, который, напротив, имеет в виду, прежде всего, первое лицо:

Когда *уезжают*, оставляют адрес <возможное продолжение: *а я не оставил*>;

Когда *уезжаешь*, оставляешь адрес <подразумевается: *я делаю так, и другие тоже*>.

- Дистанцированность от 1 лица – это то, что отличает конструкцию с третьеличным нулем от пассивной, см. [Храковский 1991]: «высказывание *Работу закончили в 5 часов* неуместно, если речь идет о работе, выполненной говорящим⁴, в отличие от *Работа была закончена в 5 часов*, где такого запрета нет». Ср. также примеры из [Булыгина, Шмелев 1997] – пассивная форма не исключает, что субъектом является автор, а третьеличный нуль однозначно показывает, что имеется в виду только третье лицо (или лица), но не говорящий:

как уже *отмечалось* ранее – как уже *отмечали* ранее;

как здесь уже *говорилось* – как здесь уже *говорили*;

спрашивается, где взять денег – *спрашивают*, где взять денег.

- Особый случай – когда подразумеваемым референтом третьеличного нуля по смыслу является именно говорящий (поскольку высказывание включает глагол речи и прямо обращено к адресату):

(17) Вставай, кому *говорят*! Тебя *просят*! Вам русским языком *говорят*!

Примеры типа (17) не являются нарушением тезиса о том, что третьеличный нуль выражает дистанцированность от 1 лица: здесь ситуация намеренно концептуализуется таким образом, что говорящий отказывается от своей выделенной позиции в акте коммуникации и скрывается за неким неопределенным лицом. В [Guiraud-Weber 1984: 81] такие употребления трактуются как стилистически маркированные, периферийные и «несущественные с точки зрения грамматики» (та же точка зрения – в [Булыгина, Шмелев 1997: 345]). Между тем это частный случай использования конструкции с третьеличным нулем для создания парадоксальной концептуализации ситуации, когда главный ее участник вынесен за кадр, как в примере (8) *Его не видят, с ним ни слова*, – с той разницей, что в (17) в этой «коммуникативно сниженной» позиции оказывается не просто субъект действия, а говорящий в своей роли субъекта речи.

Другой пример дистанцированности от 1 лица, выраженной третьеличным нулем: фраза *Пока я жива, у тебя есть место, где тебя ждут*, скорее всего, имеет импликатуру ‘ждет говорящий’; но прямым текстом сказано, что есть какие-то люди, которые тебя ждут. Так что между говорящим и множеством ждущих людей тут, в прямом смысле, нет даже частичной равносильности.

- Замечательный пример кажущегося нарушения правила о том, что третьеличный нуль выражает дистанцированность от 1 лица, приводится в [Булыгина, Шмелев 1997: 346]:

Н. Ильина следующим образом комментирует запись из дневника А.А. Реформатского («Вчера Н.И. вернулась поздно и ругала фильм. Я радовался сему»): Радовался. *Оставили* его одного, *побежали* развлекаться, а не получилось.

Здесь третьеличный нуль при сказуемых *оставили*, *побежали* по смыслу относится к говорящему – Н. Ильиной. Ясно, однако, что это не собственная прямая речь: говорящий, Ильина, становится на точку зрения Реформатского; только в результате этого оказывается возможной референция к ней с помощью третьеличного нуля (референция

⁴ Если речь идет о работе, в которой говорящий принимал участие, то так сказать можно, но это не будет НЛП.

Реформатского к себе как к третьему лицу, с помощью местоимения *его*, не противоречит законам несобственной прямой речи, см. [Падучева 1996: 344]).

Еще раз подчеркнем, что референция к конкретному лицу с помощью третьеличного нуля – это всегда «косвенная» референция, поскольку третьеличный нуль а) не предназначен для референции и б) не предназначен быть анафором.

6. Акциональный класс предиката в неопределенно-личном предложении. В [Булдыгина, Шмелев 1997: 344] про предложение (18) с неопределенно-личным придаточным справедливо говорится, что оно отклоняется от нормы:

(18) Когда *влюблены*, то часто *приходится* говорить не прямо о любви (В. Шкловский).

Причину аномальности авторы видят в том, что предикат *приходится* требует субъекта в дативе, а у третьеличного нуля этой падежной формы нет. Однако аномалия сохранится и в том случае, если употребить в главном предложении предикат с другой моделью управления, ср.:

(18') Когда *влюблены*, часто не *говорят* прямо о любви.

Можно думать, дело здесь в том, что семантико-синтаксическая структура предложения (18) предполагает итерацию ситуации, выраженной в каждом из простых предложений (каждый раз, когда имеет место Р, имеет место Q). И клауза с глагольным сказуемым без затруднений интерпретируется в значении многократности. Между тем стативное адъективное сказуемое, такое как *влюблены*, не способно итерироваться. Заменив адъектив на глагол, мы получим безупречное предложение с двумя неопределенно-личными клаузами:

(18'') Когда *ухаживают* за дамой, часто приходится не *говорить* прямо о любви.

Таким образом, пример (18) демонстрирует ограничение на акциональный класс предиката в НЛП, которое должно быть принято во внимание⁵.

7. Порядок слов. В неопределенно-личном предложении имеются определенные ограничения на порядок слов, точнее – на коммуникативное членение. Эти ограничения до конца не ясны, но некоторые соображения можно высказать. В [Грамматика 1980: 357] предложение (19) приводится как пример неопределенно-личного:

(19) В Двине *купались* // ночью (Ю. Казаков).

На самом деле, предложение (19) в силу своих свойств, о которых пока не было речи, не может быть понято как неопределенно-личное. И действительно, при рассмотрении более широкого контекста оказывается, что в нем предполагаемый субъект глагола-сказуемого во мн. числе прош. времени не третьеличный нуль, выражающий отстраненность от говорящего, как должно быть у НЛП, а, наоборот, *мы*, выраженное в предтексте:

И вот несколько дней назад на пароходе «Юшар» *мы* пришли в Мезень, и ходу было всего два дня от Архангельска ... Весь июль стояла на Севере противоестественная жара. В Двине *купались* ночью (Ю. Казаков. Северный дневник).

На базе примера (19) мы вправе заключить, что тематическая позиция глагола в 3 лице мн. числа может исключать наличие при нем третьеличного нуля в естественных для него значениях. Так, предложение (19') может быть понято как НЛП с неопределен-

⁵ По мнению Б.А. Успенского, предложение (18) допускает возможность прочтения с подразумеваемым *вы*, при котором оно будет не аномальным. Согласна, но это будет не неопределенно-личное, а обобщенно-личное предложение, причем *вы* в нем нельзя будет опустить.

ным подразумеваемым субъектом, поскольку глагол 3 лица мн. числа находится в рематической позиции (в теме – обстоятельство времени); предложение (19''), с глаголом в тематической позиции, но в наст. времени, может быть понято как НЛП с обобщенным значением; и только (19) не допускает интерпретации в рамках неопределенно-личных конструкций.

(19') В Двине ночью купались = 'кто-то купался ночью';

(19'') В Двине купаются ночью = 'обычно купаются ночью'.

Тематическая позиция глагола в НЛП не полностью исключена, но она требует специального контекста; так, *Кричали далеко* (пример из [Грамматика 1954]) вполне допустимое НЛ-предложение, но оно предполагает, что о крике уже шла речь.

Свойства НЛП, раскрываемые на примере (19), позволяют вернуться к загадочной начальной фразе «Пиковой дамы» Пушкина:

Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова.

Как заметил еще В.В. Виноградов [Виноградов 1938], в этой фразе что-то не в порядке. Чтобы сделать фразу обычным НЛП, достаточно было бы изменить порядок слов – передвинув глагол в рематическую позицию [Падучева 1995/2009]:

Однажды у конногвардейца Нарумова играли в карты.

Очевидно, Пушкин имел в виду что-то другое. В.В. Виноградов видит в этой фразе присутствие автора. А именно, все становится на свои места, если в это предложение вставить *мы*: В.В. Виноградов констатирует в этой фразе присутствие повествователя, который как бы причисляет себя к тому же кругу, что играющие. В самом деле, подразумеваемое *мы* позволило бы интерпретировать фразу Пушкина так же, как фразу Ю. Казакова. Разница, однако, в том, что у Пушкина, в отличие от Казакова, *мы* не присутствует в предтексте. Можно думать, это подразумеваемое *мы* – остаток от первоначального замысла «Пиковой дамы», которая, согласно комментариям Б.В. Томашевского, задумывалась как повествование от 1 лица (из черновых набросков к ранней редакции повести: *Года четыре тому назад собралось нас в Петербурге несколько молодых людей, связанных между собою обстоятельствами*), см. [Падучева 1995/2009].

Из сказанного следует, что фразу из «Пиковой дамы», которая часто фигурирует как пример неопределенно-личного предложения, следовало бы из учебников изъять, поскольку *мы* не является нормативным подразумеваемым субъектом НЛП.

8. Грамматическая атрибуция формы глагола в НЛП. В [Плунгян 2011: 294] неопределенно-личная конструкция (как в *Ваш роман прочитали*) названа безличной (а форма глагола – имперсоналом). Но в русской грамматической традиции безличными называются конструкции с безличным глаголом (как *светает, приспичило, першит <в горле>, <легко> дышится*), с глаголом в безличном употреблении (как в *его ветром сдуло, у меня булькает в животе*) или вовсе без финитного глагола (*Довольно унижаться*), т. е. конструкции с совершенно иной структурой и семантикой, см. [Грамматика 1954: 12–42]. Термин «амбиперсонал» из [Томмола 1998] тоже не годится как название для морфологической формы глагола в НЛП. Хотя бы потому, что он мыслится как единый для НЛП и ОЛП (с. 43), а ОЛП – это совершенно отдельный класс предложений, с разнородным набором подразумеваемых и эксплицитных подлежащих. Кроме того, «амби»личный значит, очевидно, 'и личный, и неличный' или 'то личный, то неличный'. Между тем глагол в НЛП, напротив, как бы дважды личный: 1) он подразумевает подлежащее как субъект обозначаемого им действия, состояния, свойства и т. д., в отличие от безличных предложений; и 2) подразумеваемый субъект глагола в НЛП является именно лицом, а не произвольной сущностью, как в обычных двусоставных, т. е. подлежащих, предложениях.

То, что происходит с глаголом в составе НЛП, – это, согласно терминологии из [Плунгян 2011: 279], интерпретирующая актантная деривация. Она состоит в том, что изменяется актантная структура глагола, но изменение касается не числа участников, как при понижающей или повышающей деривации, а ограничения на их лексическую и референциальную характеристику. Форма 3 лица мн. числа глагола в НЛП служит показателем того, что глагол является финитным, т. е. предикативным, но неспособен, в отличие от обычного финитного глагола, иметь синтаксически выраженное подлежащее, а имеет подразумеваемое (нулевое) подлежащее – притом всегда лицо. Глагол в НЛП можно было бы назвать имплицитный персонал: эта форма требует подлежащего-лица, но не присоединяемого к глаголу синтаксически, а подразумеваемого.

9. Деонтическая модальность. В [Булыгина, Шмелев 1997: 348] была отмечена семантическая оппозиция между НЛ- и ОЛ-предложениями, состоящая в том, что ОЛ-конструкция интерпретируется как выражающая алетическую возможность, а НЛ-конструкция, при обобщенном понимании, – деонтическую необходимость:

- (20) а. С начальством *не поспоришь* [ОЛП] = ‘невозможно, бессмысленно спорить’;
б. С начальством *не спорят* [НЛП] = ‘не следует /не принято спорить’ [Плунгян 2011].

Эти предложения различаются, однако, не только типом конструкции, но и видом глагола (в (20а) – совершенный вид, в (20б) – несовершенный; NB отрицание). Между тем, как известно, *нельзя перейти*, СВ, = ‘невозможно’, алетическая модальность, а *нельзя переходить*, НСВ, = ‘запрещено’, деонтическая [Рассудова 1982: 124]. И действительно, в НЛП, выражающих общее суждение, глагол всегда имеет несовершенный вид, а ОЛП предпочитают совершенный вид, в наглядно-примерном (по [Бондарко 1971: 22]) значении, см. об этом [Булыгина, Шмелев 1997: 337]. Но в таком случае различная модальность в НЛ- и ОЛ-конструкциях объясняется различием вида глагола, ср.:

- С одного вола двух шкур *не дерут* [НЛП; = ‘обычно не дерут’, ‘не следует драть’];
С одного вола двух шкур *не сдерешь* [ОЛП; = ‘невозможно содрать’].

А там, где в ОЛП вид несовершенный, различие между ОЛП и НЛП минимальное; как говорит Ю.П. Князев, «неопределенно-личное предложение используется для формулировки общего правила, а обобщенно-личное – для его обоснования на основе личного опыта» (устное сообщение; см. об этом также [Булыгина, Шмелев 1997: 335]). Сравни:

- (21) а. По платью *встречают*, по уму *проводжат*;
б. *Встречаешь* по платью, а *проводжаешь* по уму.

10. К типологии нулевых субстантивов. Итак, имеются следующие различные виды нулей, у которых есть соответствующие им местоимения (или, наоборот, местоимения, у которых есть соответствующий нуль).

• Эгоцентрический нуль (как в *На дороге показался всадник* или в *Он едва ли вернется*) имеет в виду, в речевом режиме, говорящего; соответствующее местоимение – я: по смыслу, ‘всадник показался в моем поле зрения’; ‘я считаю маловероятным, что он вернется’ [Падучева 2011]. Местоимение я не имеет анафоров: при необходимости повторного упоминания, оно повторяется само. Случаи опущения я в русском языке ограничены специальными синтаксическими позициями (*И рассказ свой первый я написал не потому, что <я> мнил себя в дальнейшем писателем*)⁶.

• Третьеличный нуль (*На селе поговаривают, будто совсем она ему не родственница*) и соответствующее ему, но крайне ограниченное в своем употреблении местоимение *они* (как в *Они там совсем оборзели*).

⁶Ср. также нулевой коррелят местоимения 1 лица в построениях типа *Я пришел, чтобы <мне> тут жить*.

• Анафорическое местоимение 3 лица (*Каждый хочет, чтобы его уважали*) и его нулевой аналог – нулевой анафор (*Каждый хочет жить* = ‘каждый хочет, чтобы он жил’), см. об анафоре с кванторным антецедентом в [Ивлиева 2009]. Рефлексивное местоимение (*Каждый уважает себя*) не имеет нулевого аналога.

• Иллокутивный нуль (*Тише едешь, дальше будешь*) и местоимение *ты* в обобщающем значении (*Ну что ты будешь делать!*). Те же функции имеет, в ограниченных контекстах, местоимение 1 лица мн. числа в обобщающем значении (*Охотно мы дарим, что нам не надобно самим*). Иллокутивный нуль (всегда обобщающий) представлен в примерах *Картину можно видеть от входа; Берлиоз обнаружил незаурядную эрудицию*. В [Падучева 2011] в таких предложениях усматривался говорящий-наблюдатель, причем не проводилось различия между эгоцентрическим нулем, конкретно-референтным, и иллокутивным, обобщающим. Между тем есть очевидное противопоставление: предложение *Жаль бросать начатую работу* может быть понято двояко – с эгоцентрическим нулем конкретно-референтным (= ‘мне сейчас жаль’) и с иллокутивным, обобщающим (= ‘мне, как и тебе, и всякому на моем месте’).

Описание поведения «нулевых подлежащих» – в частности, в тех контекстах, где в данной работе усматривается иллокутивный нуль, – содержится в [Тестелец 2001: 287–316], где приводится богатейший материал на эту тему. Так, отмечено, например, что итальянский язык требует согласования во мн. числе там, где в русском – единственное:

(a) È difficile parlare di *se stessi* ‘трудно <всякому> говорить о себе самом’ [букв. *самих себе*].

Отмечено, что в английском языке «нулевое подлежащее» может быть выражено двояко – как *one* и как *you*; отсюда возможность двоякого построения фразы со значением ‘не всегда легко держать себя в руках на людях’⁷:

- (б) It is not always easy to control *oneself* in public;
(в) It is not always easy to control *yourself* in public.

Термин порождающей грамматики PRO, от англ. *pronoun*, который используется в [Тестелец 2001] в применении к подразумеваемым актантам, не кажется удачным. Дело в том, что прототипическое местоимение должно иметь ненулевой антецедент; между тем иллокутивный нуль употребляется существенно иначе.

Местоимение 3 лица и нулевой анафор способны выражать кореферентность или коассигнацию только по отношению к эксплицитному антецеденту, см. пример (25) ниже. А иллокутивный нуль, как и обобщающее *ты*, во-первых, может употребляться вообще без антецедента (*Его не переубедишь*), а во-вторых, может иметь антецедентом:

– третьеличный нуль:

- (22) Я ее уважаю, как <люди> уважают существо, к которому *ваша* жизнь привязана (пример из [Булыгина, Шмелев 1997]) [*ваша* соотносится с подразумеваемым <люди>; анафорическое местоимение требовало бы эксплицитного антецедента: *как люди уважают существо, к которому их жизнь привязана*];

– иллокутивный нуль:

- (23) Становится <тебе> страшно, когда об этом <ты> читаешь;

– нулевой анафор:

⁷ В современных «политкорректных» текстах встречается согласование во мн. числе, которое противоречит правилам английской грамматики: *Almost any person is capable of occasionally feeling sorry for themselves from time to time* (из Интернета).

(24) Каждый, войдя, ищет место, куда <ему> ноги поставить, чтобы <тебе> не особо налегать на соседа и чтобы *на тебя* не сильно налегали (пример из [Булыгина, Шмелев 1997]) [подразумеваемое <ему> связано коассигнацией с *каждый* и является антецедентом для иллокутивного нуля <тебе> – а потом и для местоимения *тебя*].

Если в (24) заменить нулевой анафор на местоимение 3 лица, то и во всех последующих вхождениях можно будет заменить иллокутивный нуль или иллокутивное местоимение на местоимение 3 лица (в то время как иллокутивный нуль не требовал этого местоимения):

(25) Каждый, войдя, ищет место, куда *ему* ноги поставить, чтобы *он* не особо налегал на соседа и чтобы *на него* не сильно налегали.

Пример (26) интересен тем, что в нем иллокутивный нуль связан с эгоцентрическим местоимением *я* отношением частичной равносильности – как в примере (14) выше:

(26) И рассказ свой первый *я* написал не потому, что мнил себя в дальнейшем писателем, а потому, что <меня> томило желание рассказать, но *не станешь же* <ты> рассказывать про войну тем, с кем <ты> вместе воевал [Г.Я. Бакланов. Жизнь, подаренная дважды (1999)].

В (27) иллокутивный нуль, который фактически имеет в виду обобщенного (наглядно-примерного) говорящего, сталкивается с местоимением *я*, которое имеет в виду просто говорящего:

(27) И *поди докажи* <ты> всем этим врагам и иноверцам, что есть среди награжденных еврей. *Не станешь же* <ты> *меня* всякий раз вызывать и показывать, чтоб мой профиль узрели. Вот так не повезло мне с фамилией! [О. Глушкин. Анкетные данные (1990—1999)].

В (28) иллокутивное местоимение *тебя* в обобщающем значении имеет антецедентом иллокутивный нуль – как в (23):

(28) Мое мнение такое: советовать <людям> надо <тебе> тогда, когда <люди> *тебя спрашивают* [Наши дети: Малыши до года (форум) (2004)].

Иллокутивное местоимение имеет свой антецедент, а третьеличный нуль – свой.

В примере (29) (из [Булыгина, Шмелев 1997]) иллокутивный нуль <ты>, в контексте всеобщности, имеет антецедентом эгоцентрический нуль <мне>, и, в свою очередь, является антецедентом для обобщающего *твой*:

(29) Покинутый мною мир казался <мне> странным, как <всякий> дом, в котором <ты> жил когда-то, давным-давно, и уже успел забыть, с какой стороны дверь *твоего* подъезда.

В примере из [Анна А. Зализняк (в печати)] иллокутивный нуль, т. е. обобщающее <ты>, связан частичной равносильностью с *я*, которое обозначает говорящего:

Так оставьте ненужные споры –
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых <ты> еще не бывал (Высоцкий. Прощание с горами).

Итак, имеется существенное различие между неопределенно-личными и обобщенно-личными предложениями. Оно непосредственно вытекает из свойств иллокутивного нуля и состоит в том, что иллокутивный нуль охотно вступает в кореферентные отношения, тогда как третьеличному нулю это не свойственно. Поэтому общие суждения, которые выражают зависимость между действиями одного и того же субъекта, естествен-

но формулируются с помощью обобщенно-личных предложений (*Тише едешь, дальше будешь; Подальше положишь, поближе возьмешь; Не обманешь, не продашь* и т. д.), а неопределенно-личных предложений с такой структурой почти нет (ср., впрочем, пример из [Булыгина, Шмелев 1997]: *Скоро бегут, дальних не ждут*). Поговорку *С волками жить – по-волчьи выть* можно перевести в определенно-личное предложение (*С волками живешь – по-волчьи воешь*), но не в неопределенно-личное (**С волками живут – по-волчьи воют*).

Проделанный анализ вводит в рассмотрение иллокутивный нуль – аналог иллокутивного местоимения в обобщающем значении. Иллокутивный нуль противопоставлен эгоцентрическому нулю – аналогу местоимения 1 лица ед. числа, который, как и само местоимение 1 лица ед. числа, всегда остается конкретно-референтным*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1986 – Ю.Д. *Апресян*. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986.
- Апресян 2001 – Ю.Д. *Апресян*. Системообразующие смыслы «знать» и «считать» в русском языке // Русск. яз. в науч. освещ. 2001. № 1.
- Бондарко 1971 – А.В. *Бондарко*. Вид и время русского глагола. М., 1971.
- Булыгина 1990 – Т.В. *Булыгина*. Я, ты и другие в русской грамматике // RES PHILOLOGICA. Филологические исследования: Памяти акад. Г.В. Степанова 1919–1986. М.; Л., 1990.
- Булыгина, Шмелев 1990 – Т.В. *Булыгина*, А.Д. *Шмелев*. Синтаксические нули и их референциальные свойства // В.С. Храковский (ред.). Типология и грамматика. М., 1990.
- Булыгина, Шмелев 1997 – Т.В. *Булыгина*, А.Д. *Шмелев*. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Виноградов 1936 – В.В. *Виноградов*. Стил «Пиковой дамы». М., 1936.
- Гак 1991 – В.Г. *Гак*. Неопределенность в плане содержания и в плане выражения // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991.
- Грамматика 1954 – В.В. *Виноградов* (ред.). Грамматика русского языка: В 2 т. М., 1954. Т. 2. Ч. 2.
- Грамматика 1980 – Н.Ю. *Шведова* (ред.). Русская грамматика. Т. 1–2. М., 1980.
- Анна А. Зализняк (в печати) – Анна А. *Зализняк*. Второе лицо: семантика, грамматика, нарратология. (в печати).
- Золотова 1982 – Г.А. *Золотова*. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Ивлиева 2009 – Н.В. *Ивлиева*. Местоимения с кванторным антецедентом в русском языке // Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009.
- Мельчук 1974 – И.А. *Мельчук*. О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов. Л., 1974.
- Морфология 2009 – Морфология современного русского языка. Учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. СПб., 2009.
- Падучева 1974/2007 – Е.В. *Падучева*. О семантике синтаксиса. М., 1974; 2-е изд. 2007.
- Падучева 1985/2009 – Е.В. *Падучева*. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985; 6-е изд. М., 2009.
- Падучева 1995/2009 – Е.В. *Падучева*. В.В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // ИАН СЛЯ. 1995. Т. 54. № 3 (Перепечатано в: Е.В. *Падучева*. Статьи разных лет. М., 2009).
- Падучева 1996 – Е.В. *Падучева*. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 1997 – Е.В. *Падучева*. Кто же вышел из «Шинели» Гоголя? (о подразумеваемых субъектах неопределенных местоимений) // Известия РАН. 1997. № 2; <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf.Shinel.pdf>.
- Падучева 2001 – Е.В. *Падучева*. Каузативные глаголы и декаузативы в русском языке // Русск. яз. в науч. освещ. 2001. № 1; <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/RJNO01-1.pdf>

* Автор благодарен С.А. Крылову, без помощи которого нельзя было бы разобраться в том, как трактуются неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения в богатой содержанием, но чрезвычайно неудачной по композиции [Грамматика 1980]. Приношу благодарность Анне А. Зализняк, Ю.П. Князеву, Б.А. Успенскому и Я.Г. Тестельцу за ценные соображения и поправки.

- Падучева 2011 – *Е.В. Падучева*. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего. // ВЯ. 2011. № 3; <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf/egocentrals.pdf>
- Пешковский 1938/2001 – *А.М. Пешковский*. Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М., 1938; изд. 8-е, доп. М., 2001.
- Плунгян 2011 – *В.А. Плунгян*. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Рассудова 1982 – *О.П. Рассудова*. Употребление видов глагола в современном русском языке. 2-е изд. М., 1982.
- Тестелец 2001 – *Я.Г. Тестелец*. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Томмола 1998 – *Х. Томмола*. Заметки к типологии амбиперсонала // Н.А. Козинцева, А.К. Оглоблин (ред.). Типология. Грамматика. Семантика: К 65-летию В.С. Храковского. СПб., 1998.
- Храковский 1991 – *В.С. Храковский*. Пассивные конструкции // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991.
- Шелякин 1991 – *М.А. Шелякин*. О семантике неопределенно-личных предложений // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991.
- Jakobson 1939/1971 – *R. Jakobson*. Signe zéro // *Mélanges Ch. Bally*. Genève, 1939 (*R. Jakobson*. Selected writings. The Hague, 1971. V. 2).
- Guiraud-Weber 1984 – *M. Guiraud-Weber*. Les propositions sans nominatif en russe moderne. Paris, 1984.
- Hooper, Thompson 1973 – *J. Hooper, S.A. Thompson*. On the applicability of root transformations // *Linguistic inquiry*. V. 4. 1973.
- Moltmann 2006 – *F. Moltmann*. Generic one, arbitrary PRO and the first person // *Natural language semantics*. 2006. № 4.

Сведения об авторе:

Елена Викторовна Падучева
ВИНИТИ РАН
elena.paducheva@yandex.ru